
Н.М. Плискевич

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
КАК ИСТОЧНИК ВЫЗОВОВ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ПОТЕНЦИАЛУ

Москва
Институт экономики РАН
2023

Рецензенты:
д.э.н. П.А. Ореховский,
д.соц.н., к.э.н. Ю.В. Латов

Плискевич Н.М. Институциональная структура современной России как источник вызовов человеческому потенциалу: Доклад. – М: Институт экономики РАН, 2023. – 48 с.

ISBN 978-5-9940-0743-3

Сбалансированное устойчивое состояние общества зависит от соответствия трех компонентов – степени технологического развития, институциональной среды и уровня социокультурной регуляции, т.е. качества человеческого потенциала. Важность данной сбалансированности подтверждается как сформулированным в рамках институциональной теории принципом согласованности технологий, институтов и культуры, так и законом техно-гуманитарного баланса, согласно которому устойчивое развитие общества достигается при соответствии технологического потенциала и уровня культурно-психологической регуляции. В докладе показано, что в обществах, проходивших в ходе своего развития через ряд модернизационных рывков мобилизационного типа, формируется институциональная структура, отличающаяся от институциональной структуры, характерной для эволюционного развития. В процессе этих рывков, вызванных потребностью ускоренного освоения новых технологий, возникают разрывы между институтами, адекватными им, и социокультурным состоянием большинства населения. Как правило, для снятия возникшего напряжения власти идут по пути упрощения институтов. Однако это, хотя и дает тактический успех в деле стабилизации ситуации, в стратегическом плане чревато новыми обострениями и углублением расслоения общества на группы, готовые существовать в новых технологических условиях и не соответствующие их требованиям. Решение проблемы видится в развитии образовательной системы общества и общем подъеме его культурного уровня. Но на этом пути также встает практика упрощения институциональной системы, так как институты образовательной, научной, культурной сфер хотя и относятся к наиболее продвинутым областям общества, все же являются частью общей институциональной структуры, которая несет в себе фактор упрощения.

Ключевые слова: технологический потенциал, человеческий потенциал, институциональная система, принцип согласованности, закон техно-гуманитарного баланса, усложнение, упрощение, институты образовательной системы.

Классификация JEL: A10, A13, B15, B52.

Pliskevich N.M. The institutional structure of modern Russia as a source of challenges to human potential. – M: Institute of Economics, RAS, 2023. – 48 p.

The concept of the quality of human potential of a society includes three components: the degree of technological development, the institutional environment and the level of sociocultural regulation. Balanced, sustainable development of society depends on the quality of human potential. Therefore, the sustainable development of society is determined by the law of techno-humanitarian balance and the principle of consistency of technologies, institutions and culture. As the report shows, two institutional structures must be distinguished. The first structure is characteristic of normal evolutionary development. The second takes shape in societies that have gone through a mobilization type of modernization. In the process of modernization breakthroughs, caused by the need for the accelerated development of new technologies, gaps arise between the institutions adequate to them and the sociocultural state of the majority of the population. As a rule, to relieve the tension that has arisen, the authorities take the path of simplifying institutions. This gives tactical success in stabilizing the situation. But it is fraught with new aggravations and deepening the stratification of society into groups that are ready to exist in new technological conditions and do not meet their requirements in strategic terms. The solution to the problem is seen in the development of the educational system of society and the general rise of its cultural level. But this path also involves the practice of simplifying the institutional system, since institutions in the educational, scientific, and cultural spheres, although they belong to the most advanced areas of society, are still part of the general institutional structure, which carries a simplification factor.

Keywords: technological potential, human potential, institutional system, principle of consistency, law of techno-humanitarian balance, complication, simplification, institutions of the educational system.

JEL Classification: A10, A13, B15, B52.

© Плискевич Н.М., 2023
© Институт экономики РАН, 2023
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Развитие человеческого потенциала в периоды качественных технологических прорывов	4
Глава I. Специфика российской институциональной структуры	12
Глава II. Усложнение или упрощение	19
Глава III. Институты, образование, человеческий потенциал	32
Заключение	39
Литература	42
Об авторе	46

ВВЕДЕНИЕ.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПЕРИОДЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОРЫВОВ

В истории человечества периоды качественных технологических прорывов означали и соответствующие им глубокие преобразования как в социальной, так и в культурной жизни обществ. Ведь в новых условиях важно, чтобы не только сами генераторы технологических инноваций, но и все более широкие слои общества, призванные их тиражировать, воспроизводить и просто потреблять, обладали соответствующими знаниями, вырабатывали навыки, позволяющие безопасно для себя и окружающих оперировать вновь обретенными человечеством научно-техническими достижениями. Ясно, что эти достижения открывают не только новые возможности, но и несут с собой новые риски. Адекватно осознать их и научиться блокировать опасные факторы, нередко сопутствующие нововведениям, может лишь человек, не ограничивающийся сугубо инструментальными знаниями и навыками, но и обладающий общекультурным багажом, позволяющим анализировать новую ситуацию, понять и оценить появляющиеся опасности, а также выработать способы их блокирования.

Не случайно Д. Норт особо подчеркивал важность широкого охвата образованием и усвоения знаний, требуемых в новых научно-технических ситуациях: «Специализированные знания приобретают высокую ценность лишь в том случае, когда их можно интегрировать со вспомогательными знаниями ценой небольших затрат» (Норт, 2010. С. 173). Он также отмечал, что общее богатство

культуры социума — ключ к «динамическому успеху или поражению обществ во времени. В сущности, чем богаче искусственная структура, тем ниже степень неопределенности процесса принятия решений в некоторый момент времени. В исторической перспективе, чем богаче культурный контекст в смысле предоставления возможностей для разнообразных экспериментов и творческой конкуренции, тем больше шансов на успешное выживание имеет общество» (там же. С. 61).

Поэтому столь важно, особенно в эпохи научно-технических прорывов развитие человеческого потенциала каждой личности, т.е. совокупности ее знаний, компетенций в различных областях, разнообразие ее культурного багажа, особенности ее ценностных ориентаций и т.п. Нельзя не напомнить, что на связь успешности экономического развития с уровнем культуры всей нации указывали и великие умы прошлого. Например, И.-В. Гёте еще на рубеже 1820–1830-х годов связывал причины отставания в экономическом развитии германских земель от передовой Англии с их культурным отставанием, не создающим достаточных условий для успешного развития талантов в народной среде. Он говорил: «...я повторяю: для того, чтобы талант мог успешно и быстро развиваться, нация, его породившая, должна быть одухотворенной и склонной к просвещению» (*Эккерман*, 1981. С. 687). И это беспокойство Гёте касалось нации, давшей миру великую философию, музыку, литературу, обладавшую целой сетью университетов. Но Гёте понимал важность развития культуры нации не только в элитных кругах, но и в широких массах населения, появления у них внутренней потребности в новом знании, поддержании и развитии общекультурных основ своей страны, интереса к ее фольклору, истории и т.п. Именно на таком общекультурном базисе лучше всего, по его мнению, прививаются и новые инструментальные знания, требующиеся в новых условиях все более массовому работнику нового этапа развития. Причем это говорилось в первой трети XIX в., когда речь шла об утверждении в мире принципов промышленной революции, которая уже захватывала сферу не только производства, но и потребления.

При этом важно учитывать, что человеческий потенциал личности формируется в той среде, которая ее окружает, зависит от той социальной атмосферы, в которую она погружена. Потому неиз-

бежно встают вопросы об ограничениях, которые этим процессам ставит сама среда как в глобальном масштабе, так и в масштабах отдельных сообществ. Особенно это важно в периоды революционных научно-технологических прорывов, когда оказывается особенно чувствительным отставание от предъявляемых ими требований у носителей человеческого потенциала массового типа, равно как и у опирающихся на этот массовый слой социально-политических сил. Здесь важно видеть взаимозависимость человеческого потенциала общества и среды, окружающей человека. С одной стороны, экономические и общественные институты посылают свои импульсы, запросы на необходимые для них изменения в качестве человеческого потенциала. Но, с другой стороны, сами эти институты, сама среда формируются именно человеком, действуют под его контролем.

Особенно это касается ситуаций, когда передовые научно-технические достижения привносятся из других, более продвинутых в технологическом отношении стран, даже если удается собственными усилиями включиться в этот процесс и влиться в него со своими технологическими новациями. При этом технологическая сторона проблемы как наиболее явная нередко заслоняет столь же необходимую социальную сторону. А ведь для успешного развития технологий необходима адекватная им перестройка институциональной структуры общества, равно как и расширение сферы познаний человека не только набором инструментальных знаний, нужных для работы с новой техникой, но и всего комплекса общекультурных знаний, позволяющих ориентироваться в новом мире, адекватно оценивать его риски и проблемы.

Как и предыдущие, новый этап научно-технического прогресса не может не выдвигать новые требования к социокультурному состоянию обществ, стремящихся воспринять наиболее передовые научно-технические достижения, органично вписать их в свою среду. Это проявляется прежде всего в потребности корректировки сложившейся в стране системы образования. Очевидна возрастающая потребность в новых инструментальных знаниях, новых компетенциях в сфере организации производства и функционирования всего общества в быстро изменяющихся условиях. Это ясно специалистам в сфере образования, корректирующим программы

обучения в соответствии с новыми запросами (хотя очень часто эти корректировки запаздывают, вынуждают самих предпринимателей создавать формы дополнительного обучения уже непосредственно на рабочих местах). И для самих специалистов все более становится очевидной парадигма постоянного обучения в течение всей трудовой жизни. Однако и для многих представителей системы образования, и для значительной части обучающихся при этом речь идет о расширении компетенций в области инструментальных навыков и умений, а также об освоении новых сетевых форм взаимодействия с присущими именно им организационными и административными методами. Существенно меньшее внимание уделяется развитию общекультурного компонента образовательного процесса, что во многом обусловлено особенностями институциональной структуры сферы образования и производства знания.

Между тем значение этого компонента институциональной структуры общества для успешности экономического развития трудно переоценить. Например, в «Кембриджской истории капитализма» особо отмечается, что тема важности соответствия изменения комплекса знаний человека эволюции технологической ситуации не нова. Она сопровождала и все предшествующие технологические революции — и аграрную, и промышленную. Например, К. Бруланд и Д.Ч. Моуэри, рассматривая предшествующий опыт, писали, что история ясно дает понять, «насколько сильно использование технологий зависит от ресурса знаний. И для того, чтобы внедрить технологии, взятые вовне, и для того, чтобы извлечь из них выгоду, потенциальный пользователь уже должен находиться на высоком уровне развития знаний». Этот уровень «формируется благодаря специальным институтам, работающим на приобретение, подгонку и применение технологий. Те страны, которые либо не имели, либо лишились этого потенциала в сфере знаний, а также институтов, его укрепляющих, потерпели неудачу. Наоборот, успех ждал те государства, которые смогли выстроить и усилить этот потенциал и институты» (Бруланд, Моуэри, 2021. С. 158, 169). В целом, утверждают эти авторы, «динамизм технологического развития — это результат взаимодействия между рыночной конкуренцией и государственной политикой» (там же. С. 176), предполагающей не только создание собственно образовательных и исследовательских институтов, но

и институтов, облегчающих быстрое проникновение инноваций в сферу производства.

Причем нельзя не отметить, что при сравнении результатов экономического развития разных стран на протяжении двух веков К. Бруланд и Д.Ч. Моуэри достаточно низко оценивают усилия как дореволюционного российского, так и советского государства по развитию системы образования в стране. Прежде всего это касается решения «задач обмена технологиями и знаниями между исследовательскими институтами и промышленными предприятиями» (там же. С. 175).

Разумеется, сегодня можно рассуждать о недостаточности вложений государства в образовательную сферу. Однако, даже говоря только о дореволюционной России, нельзя игнорировать и быстрое развитие в стране системы образования, уже открывавшей на рубеже XIX–XX вв. все более широкие возможности для получения знаний представителями всех сословий. Этот период характеризовался эволюционным наращиванием числа носителей знаний, необходимых для перехода страны от преимущественно аграрного к промышленно-аграрному производству. Построенная в стране во второй половине XIX в. система образования расширяла доступ не только к начальному образованию самых широких слоев населения, прежде всего через сеть церковно-приходских школ, но и к более высоким образовательным уровням для талантливых представителей всех сословий. Об этом свидетельствует, в частности, картина изменений в социальном происхождении учащихся гимназий и университетов. Так, в мужских гимназиях доля представителей дворянства с 1865 по 1914 г. уменьшилась с 73,1 до 32,5%. Доля же представителей городских сословий и крестьянства с 1873 по 1914 г. возросла, соответственно, с 31,6 и 6,9% до 37,4 и 20,0% (за 1865 г. данных нет). Кроме того, к концу XIX в. была создана и сеть женских гимназий, причем к XX в. в них был введен дополнительный год обучения для подготовки учащихся в них девушек к работе педагогами, прежде всего в системе начального образования. О тех же процессах свидетельствует и статистика изменений сословного происхождения студентов университетов. Доля представителей дворянства уменьшилась в них с 64,6% в 1864 г. до 35,9% в 1914 г. (а в институтах технического профиля она составила 29,2%). Доля

же представителей городских сословий возросла с 23,5 до 35,3% (в институтах технического профиля — до 42,0%), а крестьян — с 1,6% в 1863 г. до 14,5% в 1914 г. (в институтах технического профиля — до 20,8%) (Миронов, 2000. С. 139).

Эти изменения в образовательном уровне населения соответствовали медленным институциональным изменениям, шедшим в российском обществе, которые можно было бы охарактеризовать как зарождение элементов инклюзивности в целом в экстрактивной институциональной среде. Но ширящийся слой образованных людей — выходцев из разных сословий давал жизнь этим новым инклюзивным институтам. Это не только давало надежду на их дальнейшее развитие, но и помогало сохранить среди носителей нового человеческого потенциала стремление к его реализации даже в условиях ужесточения экстрактивности институтов после крушения Российской империи (см.: *Балацкий, Плискевич, 2017*)).

Важно также, что в течение более чем полувека дореволюционного развития России этот ширящийся образованный слой российского общества создавал вокруг себя особую социокультурную среду, в наибольшей степени соответствующую потребностям нового времени. В этой среде воспитывались дети, которые, в свою очередь, приходили в гимназии и университеты, но уже с культурным багажом, полученным в процессе домашнего воспитания. А вливавшиеся в эту среду новые ее представители — выходцы из разных сословий сами стремились пополнить имевшиеся у них пробелы в культурных знаниях и навыках. Без этого невозможно было полноценно и гармонично влиться в новую для них среду. То есть развитие системы образования и расширение сферы новой социокультурной среды способствовало становлению новой системы институтов, соответствующей потребностям технологического развития. Но, разумеется, такой ход процессов не может быть быстрым, а предполагает достаточно длительное время для обретения представителями качественно нового образовательного и культурного уровня значимых позиций во всех сферах общественной жизни, чтобы придать им новую устойчивость.

Эти изменения, как известно, не успели дать свои результаты из-за того, что процесс эволюционного развития был прерван (а этот процесс, как показали, в частности, Л.М. Григорьев и А.К. Мороз-

кина, во всех странах, добивавшихся успеха, был достаточно длительным). Потому оценивать успехи в образовательной сфере, равно как и результаты проходивших в то время преобразований нельзя вне констатации фактора насильственного прерывания этого процесса: «Проблема России начала века не только в отсутствии той или иной важной реформы или политической воли, но и в факторе времени... Пройти опасные “неустойчивые” фазы индустриального развития с трансформацией всех слоев населения (и аграрных, и промышленных, и буржуазных, и дворянских) было трудно, но не безнадежно». Россия же к 1914 г. «оказалась на самом опасном этапе, чего не осознавали ни элита, ни общество в его образованной части...» (Григорьев, Морозкина, 2021. С. 96).

Нельзя и игнорировать те успехи в развитии образовательной и научно-технической сфере, которых страна достигла за годы существования СССР. Предпринятый в советский период истории страны мобилизационный рывок, как известно, сопровождался значительными культурными изменениями, даже названными «культурной революцией». Хотя нельзя не признать, что в социокультурной сфере он не был завершен, ибо прежде всего был нацелен на скорейшее освоение массами населения тех компетенций, которые были необходимы для ускоренного формирования промышленного потенциала в преимущественно аграрной стране. Это, в частности, ярко показал А.Г. Вишневский в своей известной монографии «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР». В результате формирующийся массовый человеческий потенциал как элемент социокультурной сферы страны, по сути, не поспевал за технологическими потребностями развивающегося мира. Причем реформы 1990-х гг. были особо болезненны для носителей того человеческого потенциала, который был необходим и в новых условиях. Но старые институты, требующиеся для его нормального существования и развития, оказались или разрушены, или лишились нормальной финансовой поддержки. Поэтому А.Г. Вишневский уже в 1990-е гг. предвидел процессы «торможения модернизации, а в худшем случае, ее приостановление, сопровождающееся жесткой антимодернизационной реакцией», не исключая «даже крайнего варианта развития событий: прихода к власти традиционалистских элит и полной смены стратегии: стопроцентной “деколонизации” ценой

отказа от модернизации и вообще всех “западных” ценностей, возврата в прошлое, закрытости и пр.» (Вишневский, 1998. С. 414).

Все это подводит нас к важной проблеме, специально не проговариваемой К. Бруландом и Д.Ч. Моуэри. Особенности институциональной структуры сферы образования и вообще производства, развития и распространения знания, неотделимы от институциональной системы, присущей той или иной стране. Потому для того, чтобы оценить ситуацию в сфере образования, необходимо выявить те качественные особенности, которые присущи институциональной системе в целом.

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Институциональная структура России, как, впрочем, и любой страны, несет на себе отпечаток особенностей ее исторического развития. В разных странах оно происходило с разной скоростью, в различной степени охватывая глубинные социокультурные основания обществ. Наиболее благоприятным можно считать эволюционный характер развития, в ходе которого институциональная структура изменяется постепенно в соответствии с новыми потребностями общества в сферах экономики, социального устройства, с появлением новых технологий, новых возможностей, связанных с научными открытиями и их применением как в производстве, так и в повседневной жизни. В ходе этого развития медленно меняются и ценностные предпочтения людей, появляются новые приоритеты. Причем в ходе модернизационных преобразований возможны как воздействие изменений в институциональной структуре на систему ценностей, так и обратный процесс — преобразования институтов инициируются изменением ценностных предпочтений либо всего общества, либо значимой части его элиты.

Поэтому вряд ли продуктивной можно признать позицию К. Вельцеля, выступившего против Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, сосредоточившихся на анализе институциональных структур обществ. Его утверждение, что институты — лишь результат, а не причина развития, что «ориентация на институциональные аспекты цивилизации — это, скорее, фокусировка внимания на симптомах», как минимум, спорно. Вельцель полагает, что такой

подход отвлекает нас от ключевой темы — духа законов. Главная характеристика нового типа общества — это его дух, эмансипативный по своей сути, это идея освобождения ищущих счастья людей от догм и тирании и фокусирования усилий правительства на благосостоянии обычных людей» (Вельцель, 2017. С. 365–366). Однако нельзя не учитывать, что этот дух формируется в ходе развития социальных отношений, в окружающем людей мире. На него воздействуют и формальные, и неформальные институты, во взаимодействии с которыми входит человек, качество норм и правил, принятых в том или ином обществе. В.М. Полтерович, анализируя концепцию К. Вельцеля, указывает на то, насколько важны механизмы, благодаря которым происходит развитие, в том числе совершенствование и общественного организма в целом, и отдельных его членов. Но в рамках применяемой Вельцелем методологии «остаются не исследованными внутренние причины социальной эволюции, и в частности вопрос о том, за счет чего возможно совершенствование гражданской культуры при “плохих” институтах» (Полтерович, 2018. С. 19).

В то же время нельзя не учитывать и того, что отнюдь не во всех странах развитие происходило эволюционно. Во многих случаях страны на каком-то этапе отстали от своих соседей, вынуждены были догонять их, совершая некий мобилизационный рывок. Обычно потребность в таком рывке диктовалась военно-политическими мотивами, необходимостью ликвидировать отставание в технологическом развитии. При этом, как правило, не учитывалось, что успех модернизационных преобразований как целого невозможен, если пренебрегать социокультурной составляющей процесса. Важно, напротив, всячески поддерживать ее, подкрепляя идущие технологические преобразования усилиями в развитии необходимых для них социокультурных изменений в обществе, давать ему ориентиры для соответствующего развития. Однако обычно выбирается другой, как кажется, более рациональный путь — снятия возможных напряжений не на пути укоренения новых социокультурных кодов, ценностей, соответствующих тем технологическим сдвигам, которые происходят в стране, а с помощью укрепления укорененных в обществе старых норм, обычаев, ценностей. Если это на какое-то время и снимает напряжение, то результатом становит-

ся незавершенная модернизация, а общество получает искаженную институциональную структуру, не соответствующую уровню технологических достижений, что в итоге не дает ожидаемого эффекта и от заимствованных технологий.

Россия на протяжении последних трех веков своего развития пережила несколько таких мобилизационных рывков. Однако типичное для них пренебрежение социокультурной составляющей процесса накладывало свой отпечаток на результат: изначальная институциональная структура трансформировала привнесенные образцы, которые начинали функционировать совсем не так, как рассчитывали реформаторы. В результате наступала стагнация и откат от первоначальных замыслов.

В последние десятилетия, особенно после выхода на рубеже 1980–1990-х гг. трудов Д. Норта (см., например: (North, 1990; Норт, 1997)), появились работы, объясняющие указанные неудачи, исходя из принципиальной разницы двух институциональных систем – рыночной и распределительной как разного типа институциональных матриц (см., например: (Бессонова, 2007; Кирдина, 2014; Hedlund, 2011; Хедлунд, 2015; Заостровцев, 2020)). В близком русле работают исследователи, выводящие особенности российской ситуации из господства в ней особо прочной связки власти и собственности как системы «власть–собственность» (см., например, (Нуреев, Рунов, 2002; Нуреев, Латов, 2011; Вольчик, 2015; Плискевич, 2006)). Б. Мадьяр и Б. Мадлович, правда, ограничившиеся анализом посткоммунистической трансформации, видят глубинную причину расхождения этих процессов в разных странах в факторе разделения (или отсутствия такового) трех сфер социального действия – политической, экономической и общественной (*communal*) (власть–собственность выступает у них как часть этого общего фактора) (Мадьяр, Мадлович, 2022). В то же время во многих работах делается акцент на обусловленности институциональных особенностей социокультурными проблемами (см., в частности, (Аузан, 2013; 2022)).

С исследователями, предполагающими, что путь преобразований из-за значительных культурных преград будет труден и долгов, полемизируют те, кто верят в новые возможности современного глобального мира и считают, что в течение 10–20 лет «политика...

может менять культуру, создавая условия для более быстрого прогресса» (Harrison, 2013. P. 190; Харрисон, 2014. С. 267). Ученые же, изучающие ценностные изменения в различных странах, хотя и отмечают ускорение этих процессов, но подчеркивают, что все идет отнюдь не столь быстро. Они ставят особенности институциональных систем различных сообществ в зависимость от изменений ценностей их членов (Инглхарт, Вельцель, 2011; Вельцель, 2017; Инглхарт, 2018).

При всей важности различных направлений исследования причин многих неудачных попыток модернизационных преобразований представляется целесообразным обратить особое внимание на один из их аспектов, связанный со спецификой «догоняющего развития», особенно если оно происходит в форме мобилизационного рывка. Устойчивость западной институциональной конструкции обусловлена прежде всего тем, что все ее компоненты формировались постепенно, эволюционным путем, не было столь резких разрывов, которые неизбежно происходят в процессе резких мобилизационных скачков. По сути, эволюционный путь можно трактовать и как путь медленного преобразования «силовой» матрицы в «правовую» (в терминах А.П. Заостровцева (Заостровцев, 2020)), и как постепенную эволюцию мотиваций правящих элит, пришедших к мысли о целесообразности и меньшей затратности для них перехода к новым условиям функционирования государства и общества. Осознание элитами необходимости такого перехода и условия, в которых оно происходит, получили у Д. Норта и его коллег наименование «пороговых условий перехода к порядкам открытого доступа» (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 76).

Такой путь предполагает, что если и появлялись напряжения или даже разрывы в различных составляющих общественного целого — технологического, институционального, культурного, то в ходе освоения вырвавшегося вперед компонента они достаточно быстро смягчались благодаря не силовому, а консенсусному, поддерживаемому независимой правовой системой, взаимодействию заинтересованных акторов со стороны и государства, и общества. В результате система приходила в равновесие на новом уровне. Это создавало прочную базу для экономического роста и постепенного

повышения уровня благосостояния всего общества. В то же время сам период перехода системы из одного качества в другое весьма сложен, так как предполагает сосуществование в одной системе институтов различной направленности. Поэтому в подобной ситуации часто складывается такое явление, как институциональная ловушка (Полтерович, 2007. С. 87–130). То есть избрание в конкретной ситуации несогласованности различных компонентов переходной системы неэффективной устойчивой нормы или института, отличающихся самоподдерживающимся характером. Прежде всего это касается сферы инструментальных взаимодействий.

Иное дело, если попытки сопряжения старых и новых норм и складывающиеся на этой почве напряжения затрагивают более глубокие социокультурные слои. Здесь путь представляется более длительным. Полтерович связывает его с развитием гражданской культуры (Полтерович, 2007. С. 125–127). Однако это может дать результат только в случае эволюционного развития процесса реформирования, когда социокультурный, в частности политический, компонент хотя и отстает от технологического развития, но проводящие реформы элиты не препятствуют преобразованиям в социокультурной сфере. И особенно если сложившиеся в тот или иной период административные, экономические, силовые элиты не пытаются упрочить свое господство, опираясь на привычные для общества старые институты, не укрепляют их за счет имеющихся у них возможностей. Либо речь может идти о ситуации, когда реформаторы, думая о преобразовании лишь в какой-либо одной, важной для них, сфере, не заботились об изменениях в других сферах, для них не столь важных, но необходимых для нормального функционирования имплантированного института. В результате в целях стабилизации ситуации они вынуждены укреплять старые, по сути не совместимые с новыми институты, ибо, проводя реформы, могли опираться только на них.

В ситуации мобилизационного рывка проведение социальных и культурных преобразований как необходимая составная часть общего процесса реформирования не успевает за технологическими, инструментальными изменениями. В результате социальные и культурные преобразования либо по естественным причинам, либо как вошедшие в противоречие с интересами вли-

ятельных групп отодвигаются на будущие времена. Сама ситуация мобилизационного рывка даже в политически благоприятных условиях не оставляет времени для эволюционно развивающейся социокультурной среды, соответствующей модернизационным требованиям. Происходит деформация внедряемых институтов в наиболее важной для подлинно модернизационных преобразований сфере – социокультурной. Преобразованные в ходе таких мобилизационных рывков старые институты обретают гораздо большую устойчивость, сохраняются в течение не только десятилетий, но и столетий и в итоге требуют для их изменений особой продуманной стратегии, не известной обществам, прошедшим путь эволюционного развития. Можно говорить о них как об элементах институциональной системы особого качества – *институциональных рубцах*.

Под институциональным рубцом предлагается понимать устойчивое искажение институциональной системы под воздействием института, имплантируемого в ходе мобилизационного рывка из иной системы с целью активизации технологической и экономической деятельности в выбранных реформаторами областях. В результате такой институт в непривычной для него социокультурной среде начинает функционировать нестандартно, пытаясь найти точки сопряжения со старой системой. При этом общим результатом данного процесса становится и общее укрепление старой системы за счет взаимодействия ее с новыми имплантируемыми, но искаженными институтами. В то же время и сам новый институт, пусть и в искаженном виде, подкрепляющий старую институциональную конструкцию, одновременно начинает медленно воздействовать на социокультурную среду, провоцируя ее постепенную эволюцию. Ход данного процесса во многом зависит от того, в какой степени принимающее общество предрасположено к впитыванию новых веяний, а также от того, не будут ли ему мешать противоположные воздействия, в частности деятельность «промежуточных выгодоприобретателей» (Hellman, 1998), блокирующих развитие на выгодном для них этапе (подробнее см.: (Плискевич, 2022; 2023)).

Однако институциональная система, заимствованная из технологически передовых стран и в то же время обремененная рас-

согласованием с господствующими в обществе социокультурными представлениями, характерными для старой системы, оказывается внутренне противоречивой. Это порождает проблемы, не дающие в полной мере реализовать и те инструментальные, технологические задачи, которые были приоритетны в ходе реформирования. Но для успешного функционирования всего организма, как отмечает Е.В. Балацкий, важно соблюдение *принципа согласованности* компонентов общественной системы — технологий, институтов и культуры. Нарушение этой согласованности ведет не только к замедлению экономического роста, но и к деградации всей социальной системы (Балацкий, 2021).

УСЛОЖНЕНИЕ ИЛИ УПРОЩЕНИЕ

Эти проблемы были отмечены еще в середине XX в., когда стали очевидны провалы многих освободившихся от колониальной зависимости стран, пытавшихся построить у себя более передовую институциональную структуру. В ходе модернизационных процессов в этих странах даже те правящие группы, которые первоначально были искренне заинтересованы в создании согласованных технологических и институциональных компонентов, адекватных передовым методам развития того времени, столкнулись с серьезными трудностями. Ибо период мобилизационного рывка, как отмечалось выше, предполагает одновременное функционирование и привычных институтов старой системы, частично дезорганизованных в новой ситуации, но поддерживаемых сложившимся уровнем культурного и образовательного развития населения (да и во многом значительной части представителей элит), и лишь формирующихся институтов более передовой системы, столкнувшихся с непривычной для них социокультурной средой. Решение этого противоречия для достижения требований принципа согласованности требует либо чрезвычайных усилий прежде всего по наращиванию образовательного и общекультурного уровня значительной части населения, либо упрощения элементов внедряемых институциональных систем до уровня, приемлемого в данном социокультурном сообществе. Первый путь долг и требует многих усилий и затрат, требует последовательного выстраивания системы «промежуточных институтов» (В.М. Полтерович),

второй — существенно короче, и к тому же способствует снятию многих социально-политических напряжений, регулярно возникающих в ходе модернизационных процессов. Потому естественно, что как к политически целесообразному реформаторы обычно склонялись ко второму пути. Это позволяло достичь столь важной для них тактической стабильности.

Это подробно проанализировал Ш. Эйзенштадт, в частности в написанной в 1966 г. статье «Срывы модернизации». Он отмечал, что даже наиболее образованные реформаторы в постколониальных странах столкнулись с ситуацией социокультурного раскола в обществе. При этом и сами реформаторы оказались внутри этого раскола. В результате «центр формирующейся государственности не мог предложить никакой новой идеологической, ценностной, символической системы, которая помогла бы осмыслению новой реальности и проблем, с нею связанных» (Эйзенштадт, 2010. С. 55). Происходило некое сегментирование государственных институтов, часть из которых могла выполнять свои функции, свойственные и институтам предшествующих этапов развития, но и их работа находилась в подчинении более передовых, но неэффективных государственных служб (там же. С. 49). В то же время и реформаторы, и население в целом с их разными представлениями о целях и задачах развития на данном конкретном этапе оказались заключенными «в общие и единые рамки политического процесса и принятия политических решений. Но при этом адекватные механизмы и принципы агрегирования интересов в этих рамках отсутствовали» (там же.). (Эти же дефекты Эйзенштадт видит и в оппозиционных и протестных движениях того периода.) В такой ситуации, не знакомой обществам, прошедшим путь эволюционного развития, выявилось не только то, что «различные общественные слои пользуются разными коммуникационными каналами», но и то, что в таких обществах «зачастую отсутствуют так называемые “коммуникационные медиаторы” или брокеры, обеспечивающие связь между различными уровнями коммуникации» (там же. С. 51).

Ключевую проблему такого мобилизационного периода Эйзенштадт видит «не в узком диапазоне модернизационных усилий, а в медленном становлении новых институтов и нехватке

регулирующих и нормативных механизмов, которые внедрялись бы в стратегические области общественной структуры и позволяли бы справляться с различными вызовами, возникающими в этой области» (там же. С. 56). Однако нарастание напряжения между вновь внедряемыми институтами и устоявшимися в обществе нормами и правилами, рост общего недовольства из-за несоответствия ожидаемых от модернизационных перемен благ и реальными возможностями в данной конкретной ситуации обычно становится поводом для *упрощения* реформаторских требований, приспособления их к сложившейся ситуации. В результате происходит пусть и не отказ от модернизационных намерений, но «надлом важнейших современных институтов и мы имеем дело с крахом относительно дифференцированной и современной институциональной основы, заменой ее более примитивными институтами» (там же. С. 46). Таким образом, путем упрощения воспринимаемой институциональной системы, приспособления ее к социокультурным возможностям общества на какое-то время удается достичь определенной стабильности общественного развития. Правда, такая стабильность весьма зыбка. Она чревата «вступлением страны в порочный круг провалов и срывов, зачастую ведущий за собой институциональную стагнацию и неустойчивость, а также системную угрозу способности вбирать в себя новые веяния» (там же. С. 46).

Эти выводы Ш. Эйзенштадт делал на основе анализа важности согласованности институционального и социокультурного, равно как и общественно-политического компонентов развития общества, по сути не учитывая те вызовы, которые диктует требование согласования с этими компонентами и технологического компонента. Учет этого фактора особенно важен в современных условиях, когда новый уровень научно-технического прогресса с присущими ему скоростями изменений ставит перед человечеством новые проблемы, связанные с появлением таких возможностей, адекватно использовать которые в системе старых социокультурных стереотипов оказывается не просто сложно, но нередко и опасно. Поэтому тема вынужденного упрощения в ходе модернизационных процессов институциональных связей в ситуации, когда они, напротив, требуют усложнения, соответствующего растущей сложности окружающего мира, становится особенно актуальной.

Применительно к России на опасность упрощения социальных связей, пронизывающих общество, неоднократно указывал А.С. Ахиезер, акцентируя внимание на особенностях массового типа мышления представителей российского общества, т.е. на свойстве его человеческого потенциала. Сам процесс развития — и технологического, и социокультурного — диктует необходимость соответствующего усложнения всех связей, пронизывающих и общество в целом, и отдельные его группы, и отдельных его субъектов, вступающих в самые разнообразные отношения как с такими же отдельными членами различных сообществ, так и с функционирующими в них структурами. Однако если в процессе этих взаимоотношений не возникает диалога, если разные субъекты этих отношений (будь то индивидуумы или разного рода структуры и организации) не способны воспринимать аргументы друг друга, то при нарастании сложности подлежащих решению проблем появляется состояние дискомфорта, нарастает дезорганизация, и вместо поиска методов решения проблем, соответствующих уровню их сложности, появляется соблазн использования привычных по прошлому опыту упрощенных средств.

Эту тенденцию к упрощению А.С. Ахиезер связывал с активизацией традиционализма, унификацией, стремлением к уравнительности, которая на деле оказывается важным фактором роста дезорганизации. В конечном итоге это ведет к решению проблем путем насилия, т.е. «путем отказа от диалога на основе господства монолога всеми технически доступными средствами» (Ахиезер, 1998. С. 289). По Ахиезеру, решение всеусложняющихся проблем, встающих перед обществом, возможно или на пути медиации («развития логической клеточки мышления, смыслообразования, воспроизводственной деятельности... выработки качественно новых альтернатив в мысли и действии»), или антимедиации («стремления личности, больших масс людей в кризисной ситуации искать выход не в углублении медиации, а в попытках опереться на более древние пласты культуры, уничтожить очаги прогресса») и таким образом упростить систему, разрушить ее сложность (там же. С. 76, 271). Хотя при последнем варианте на какое-то время и удастся достигнуть «согласованности» институционального и социокультурного компонентов, но очевидно, что с учетом технологического компонента

хода развития эта «согласованность» или кратковременна, или ведет к соответствующему упрощению технологического компонента, а потому либо к стагнации, либо к прогрессирующему отставанию от более передовых стран.

Поэтому разрешение проблемы перехода от экстенсивных к интенсивным формам развития Ахиезер видел не только в распространении технологических инноваций. Это, по его мнению, — комплексная проблема: «Экстенсивность — это логика мышления, специфика культуры, порождающей в критической ситуации насилие в бесконечно разнообразных формах¹. Его преодоление не является “исторической необходимостью”. Всегда есть возможность упадка, дезорганизации. Возможность преодоления экстенсивности заключается в развитии способности превращать кризис, вызванный неэффективностью, в источник энергии для выхода на новый качественный уровень решений» (Ахиезер, 2008. С. 336). Отставание же общества в освоении этих процессов от требований, диктуемых нарастанием усложнения идущих в обществе изменений, приводит к «снижению социального эффекта решений, к росту инфантильности, что порождает нарастание дезорганизации» (Ахиезер, 1998. С. 519).

Таким образом, можно сказать, что рассмотрение проблемы усложнения/упрощения социальных структур в процессе развития общества как исследователем-политологом, анализирующим модернизационные изменения в постколониальных странах, так и отечественным философом, изучающим особенности развития России, приводит к аналогичному выводу. Успеха достигают страны, сложность социальной структуры которых, равно как и уровень развития человеческого потенциала большинства населения, соответствовала потребностям сложности современного мира. И наоборот, история развития стран, где возникающие в его ходе напряжения снимались путем упрощения социальных структур, которые в результате все больше отставали от требований, диктуемых усложняющимся миром, хотя и достигали некоей стабилизированности *status quo*, но это было временным явлением. При такого рода стабилизации из-за рассогласованности функционирующих структур с технологическими и социокультурными потребностями мира эти

1. Как тут не вспомнить «Насилие и социальные порядки» Д. Норта и его коллег.

страны оказывались в итоге в ситуации, как минимум, стагнации, а то и нарастающей турбулентности и общей дезорганизации. Хотя целью принимаемых при этом простых решений было как раз снятие социальной напряженности. Однако приверженность простым решениям, не соответствующим сложности стоящих перед обществом задач, ведет ко все большему нарушению принципа согласованности, что не может не сказаться на общих результатах развития.

Е.В. Балацкий и М.А. Юревич с помощью эконометрических моделей проанализировали результаты развития 154 стран на степень соответствия требованиям принципа согласованности в них динамики технологического, институционального и культурного развития и влияния степени этой согласованности на показатели экономического роста. В применяемой ими модели сопоставлялись данные за период с 2012 по 2019 г. по странам, разделенным на четыре категории, — с высоким среднедушевым доходом, с доходом выше среднего, с доходом ниже среднего и с низким доходом. В первые две группы попало 88 стран, в две последние — 66 стран. В целом наличие принципа согласованности было подтверждено для групп стран с высоким и частично выше среднего среднедушевым доходом и не подтверждено, соответственно, для стран со среднедушевым доходом ниже среднего и низким. Особо была рассмотрена группа из четырех стран — США, Германии, Китая и России — как наиболее показательных. Россия в этом исследовании по показателям среднедушевого дохода до 2015 г. входила в группу стран с высоким доходом, а затем переместилась в группу стран с доходом выше среднего, где до сих пор и остается. При этом общий анализ показал, что максимальная согласованность трех факторов (технологического, институционального и культурного) в 2019 г. наблюдалась в США, а минимальная — в России, где дисбаланс факторов в 1,8 раза превышал уровень США (*Balatsky, Yurevich, 2022. С. 44–46*).

В этом дисбалансе факторов, как свидетельствуют Е.В. Балацкий и М.А. Юревич, первостепенную роль играет отставание социокультурного компонента от требований, которые выдвигает современный уровень технологического развития и к институциональной, и к культурной среде, формирующейся в стране. В этом требования принципа согласованности, разработанные в рамках

институциональной теории, перекликаются с сформулированным философом и психологом А.П. Назаретяном законом техно-гуманитарного баланса. Согласно этому закону существует взаимозависимость между тремя переменными – технологическим потенциалом, культурно-психологической регуляцией и устойчивостью общества. Последняя достигается в случае если уровень культурно-психологической регуляции, включающий и уровень общегуманитарной культуры его членов, их способность адекватно реагировать на все новые и новые вызовы, постоянно возникающие в процессе научно-технического развития, соответствует достигнутой им сложности (Назаретян, 2017).

Поэтому, если общество стремится достичь стратегического уровня устойчивости своего развития, ему следует прежде всего обратить внимание на повышение уровня культуры всех его членов, на всестороннее развитие системы образования не только в инструментальном ее аспекте как обучения навыкам и практике существования в усложняющейся технологической среде, но и общегуманитарного компонента знаний и культуры. Ибо только накладываясь на высокий общегуманитарный фундамент, инструментальные знания обретают ту глубину и сложность, которых требует новый технологический мир, окружающий сегодня человека. То же можно сказать и о формировании соответствующей этому миру институциональной структуре. Если формирующие ее и действующие в ее рамках люди не соответствуют той сложности, которую требует от них современный мир, то и само общество скатывается к экстенсивным формам развития, так как импульс интенсивному развитию может дать только высокообразованный и культурный человек.

Сказанное относится и к функционированию государства, представления о котором нередко сводятся к деятельности государственного аппарата, который черпает силу из самого себя. Хотя, как в частности, подчеркивал А.С. Ахиезер, сила государства «определяется силой общества как истинного субъекта. Эта точка зрения не отменяет представления об относительной самостоятельности государства, его способности, кроме всего прочего, превращать силу общества в свою собственную... Сильное государство характеризуется способностью наращивать свой потенциал, опираясь на массовую активизацию граждан, сочетающих организованную нацеленность

на реальную проблему и теоретический поиск новых форм организованности, развитие новых форм способностей, развитие форм и содержания диалогизации общества» (Ахиезер, 2008. С. 346–347).

Очевидно, что такое диалогичное взаимодействие общества и государства требует высокообразованных личностей – носителей высокого уровня человеческого потенциала – со стороны как общества, так и государства. Они должны вступать друг с другом в диалог, находить взаимоприемлемые решения на путях интенсивного развития как экономики, так и государственных структур, с одной стороны, и одновременно совершенствования форм развития гражданского общества – с другой. Причину недостаточной способности нашей страны своевременно переходить к интенсивным формам хозяйства, вырабатывать соответствующие программы и решения, по Ахиезеру, следует искать прежде всего «в сфере все той же способности (неспособности) субъекта развивать свои способности, в сфере возможности выходить за рамки сложившейся культуры, смыслов, методов, конкретизировать сложившуюся человеческую реальность, идти по пути возвышения абстракций, замещения насилия диалогом» (там же. С. 331).

Можно утверждать, что беспрецедентно быстро ускоряющийся ныне технологический компонент жизни общества требует соответствующего усложнения его институциональной структуры и адекватного новым задачам повышения образовательного и культурного уровня населения. Если эта проблема не будет осознана, то будут продолжены попытки решения вновь возникающих проблем привычными методами, по природе своей отстающими от новых потребностей, а значит, ведущие к принятию упрощенных решений, чреватых не только стагнацией, но и деградацией всего общественного организма. Это касается не только людей, работающих в наиболее передовых научно-технических областях (а сегодня и они предполагают слаженную работу и лидеров, и всего вспомогательного персонала), но, по сути, занятых во всех сферах жизни общества.

Особо важно, чтобы требованиям новой сложности соответствовали работники государственного аппарата, ибо именно они, опираясь на свои представления о должном, вырабатывают систему формальных норм и правил, в которую все должны вписываться.

К сожалению, как показывают многие исследования, отечественные чиновники в значительном числе случаев не справляются с задачами возросшей сложности проблем и потому идут по пути упрощенных решений, исходя из своей, также упрощенной, трактовки реальности. «Но это бюрократическое понимание реальности не всегда адекватно. В соответствии с нормами и регламентами своей деятельности бюрократия оценивает социально-культурную реальность исключительно через утвержденные и официально признанные документы, а результаты собственной и чужой деятельности — по утвержденным показателям. Эти документы и показатели формируют для бюрократии смыслы социальных фактов, используемые схемы мышления и модели решения проблем» (Римский, 2023. С. 122).

Не удивительно, что результаты такого управления вызывают не только критику, но и внутреннее отторжение. В них явно просматривается тенденция к упрощению подлинной реальности, подмена ее реальностью бюрократической, укладывающейся в привычные схемы и показатели. Ярким примером манипуляции, основанной на стремлении решить свою бюрократическую задачу, а не создать условия для развития управляемой отрасли, можно назвать коллизию, описанную А.Я. Рубинштейном. Как известно, и в советский, и в постсоветский периоды учреждения здравоохранения, образования, науки, культуры финансировались государством по остаточному принципу, не выдерживались даже те пропорциональные нормы, которым предписано следовать при составлении государственных бюджетов и при законодательном утверждении расходов на эти цели. Но в такой ситуации недофинансирования чиновникам Минфина, ориентирующимся в своей работе на иные приоритеты, «удалось невозможное — бюджетное *обязательство* учредителей “переплавить” в *обязанности* созданных ими организаций культуры, образования и науки выполнять необоснованно установленные этим ведомством требования в области расходов труда и материалов» (Рубинштейн, 2019. С. 118).

В то же время, в приверженности привычным старым схемам управления просматривается еще один неприятный аспект. Усложнения реального мира не могут не сказаться и на системе управления, которая отвечает на это не поиском новых форм управления в развитии диалога с управляемыми структурами,страи-

вания в широкие системы сетевой самоорганизации. Ее ответ на усложнение, как правило, состоит в разрастании требуемой от управляемых отчетности, увеличении числа показателей, адекватных привычным представлениям о функционировании государственных структур. В результате, по замечанию Э.Л. Панеях, уже к началу 2010-х гг. в России мы получили «зарегулированное государство» со всевозрастающими издержками управляющих структур по обработке требуемой ими информации. Не говоря уже о том, что и те, кто должны предоставлять такую информацию, тратят существенное время на оформление требуемой отчетности в ущерб своей прямой профессиональной деятельности. Потому «принятые практики контроля дестимулируют не только сложную деятельность, но и просто успешную с точки зрения заявленных целей» (Панеях, 2013. С. 85–86).

Не случайно, что в сложившейся ситуации многие принятые в самых разных областях управленческие решения подвергаются резкой критике. И суть ее в большинстве случаев сводится к критике этих решений как отражения упрощенного понимания проблем, присущего бюрократической реальности, но не совпадающего с реальностью фактической. Так, М.А. Юревич, анализируя проблемы, вставшие перед российской экономикой в связи с необходимостью достижения технологического суверенитета, особо подчеркивает, что в сложившейся у нас практике принятия решений оказываются «менее востребованы новые стратегические документы, которые предполагают достижение амбициозных целей и сугубо “бумажных” целевых показателей... За последние десятилетия в России было принято множество стратегий, инициатив, национальных проектов и других подобных документов в области развития науки, технологий, инноваций и промышленности. И за редким исключением их объединяет тотальное невыполнение поставленных целей и задач. К примеру, в области НИОКР среди 8 целевых индикаторов, утвержденных на самом высоком уровне (указы Президента РФ и государственная программа), достигнуты лишь 3, и то либо с опозданием, либо с “подводными камнями”» (Юревич, 2023. С. 18).

О том же свидетельствуют и высказывания представителей другой отрасли – сельского хозяйства. Например, известный подмосковный фермер Д. Велигурский – один из ветеранов фермерского

движения, обладающий не только практическим опытом, но и теоретическими знаниями в области экономики сельского хозяйства (стал в этой сфере доктором наук) — в своем интервью, в частности, отмечает: «Все, что нам предлагало государство в развитие фермерского хозяйства, я испытывал на своем хозяйстве. И могу с уверенностью заявить, что ни по одному федеральному закону принятые решения, касающиеся фермерского уклада, не сходились с реальной практикой» (*Баимачников и др.*, 2022. С. 405).

Результатом несовпадения реальности фактической и той, что вытекает из административных предписаний, стал и диссонанс в отношении к государству, с одной стороны, и лицам, его представляющим, — с другой. У россиян, традиционно прогосударственнически настроенных (84,3% из них относятся к государству как институту скорее положительно), к государственным служащим отношение иное: их деятельность скорее позитивно оценивают только 56,7%. А при формулировке вопроса, в которой на место «государственного служащего» помещается «чиновник» — слово с негативной коннотацией, — этот показатель снижается до 11,2% (*Римский*, 2023. С. 109).

Разумеется, в усложняющемся мире могут успешно функционировать и управленческие практики, выработанные в прошлом. Как подчеркивали Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы, разрабатывавшие принципы экономической синергетики как, по сути, экономики будущего, «развитие есть усложнение, но оно не есть устаревание уровней экономических структур. Усложнение, как обычно, дополняется некоторой компактностью. Современная сложная экономика — это структура (компактность), имеющая не только будущее, но и прошлое» (*Евстигнеева, Евстигнеев*, 2016. С. 102). Но и выработанные в прошлом формы должны развиваться, корректироваться, усложняться в соответствии с теми проблемами и задачами, которые ставит перед ними усложняющаяся реальность.

А эта реальность сегодня все более требует корректировки привычных в предшествующие времена норм и правил, связывающих управление большими социальными системами с вертикальными принципами господства и подчинения, а не с новыми горизонтальными сетевыми системами, предполагающими выработку взаимоприемлемых решений в процессе диалога, широкой

дискуссии. Но стать успешными, полноценными участниками таких дискуссий возможно лишь достигнув соответствующего уровня компетенции, развития человеческого потенциала, вобравшего в себя и инструментальные, и общегуманитарные знания, а также ценностные принципы, необходимые для саморазвития и существования в современном сложном социуме. Тут важна и привычка к высказыванию своей точки зрения в диалоге с оппонентами, а также способность оценить аргументы последних и в соответствии с этим скорректировать свою позицию.

В этой связи возникает вопрос о том, удовлетворяют ли представители отечественной политической элиты этим требованиям, какие качества они должны в себе развивать, чтобы их решения соответствовали задачам, которые ставит перед ними усложняющаяся реальность. Во многих исследованиях, посвященных состоянию качества человеческого потенциала представителей управленческого корпуса и тех, кто претендует в него попасть, акцент делается на уровне профессиональных и управленческих компетенций, выявлении лидерских качеств, уровне образованности (как правило, профессиональной), адекватности потребностям времени, уровне деловой культуры и т.д. В то же время отмечается, что современная российская элита мало ориентируется на ценности развития из-за своего консерватизма, дистанцированности от масс, клановости и т.п. (см., например, (Ашин, 2005; Крыштановская, 2005; Человеческий капитал..., 2012; Современная элита..., 2015; Гаман-Голутвина, 2016) и др.). За редким исключением (см., например, (Оболонский, 2016)) отсутствуют исследования этической картины мира современных российских управленцев. Делаются и такие обобщения: «Сформировавшийся технократический и административно-менеджерский характер российской политической элиты не только не соответствует растущим запросам страны и населения на более лидерский формат поведения, но и говорит о том, что данная прослойка не в полной мере обладает такими свойствами, как самостоятельность, а также возможность формировать свои идеи», не в полной мере проявляется «консолидация и ответственность» (Палитай, 2020. С. 156).

Для устранения выявленных «недостатков» часто рекомендуется развитие курсов краткосрочного обучения и переобучения,

обучение навыкам встраивания в новые системы коммуникаций. Однако в большинстве случаев даже не поднимается вопрос об уровне общегуманитарной культуры представителей элиты. И при всем разнообразии исследований отечественной элиты тут практически нет попыток анализа качественного состояния ее человеческого потенциала, хотя именно от этой его стороны, по сути, зависит успех модернизационных усилий страны.

Все это свидетельствует о том, что сложившаяся в стране институциональная структура, равно как и общекультурный уровень не только населения в целом, но и многих представителей элитных слоев, не соответствует той сложности проблем, которую выдвигает перед ними современный уровень как научно-технического, так и социального развития. Решение проблем развития во все более усложняющемся мире во многих странах опирается прежде всего на совершенствование системы образования. Однако развитие образовательной системы в целом, прежде всего институциональной структуры этой отрасли, неотделимо от общих институциональных проблем страны. А проблемы системы образования, равно как и воспитания, культуры, не могут не сказываться на качестве человеческого потенциала отдельных граждан.

ИНСТИТУТЫ, ОБРАЗОВАНИЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Создание условий для формирования широкого круга носителей человеческого потенциала того качества, который адекватен новым реалиям усложняющегося мира, — важнейшая задача современной системы образования. От эффективности ее работы по формированию человеческого потенциала людей, способных в максимальной степени реализовать новые возможности, открывшиеся перед человечеством, в значительной степени зависят и возможности экономического роста страны. Причем в комплекс задач системы образования входит предоставление учащимся не только тех или иных наборов инструментальных знаний. Важно и создание в образовательных учреждениях такой атмосферы, которая побуждала бы и преподавателей, и учащихся к самосовершенствованию, к развитию тех общекультурных, духовно-ценностных компонентов формирования личности, без которых нарушается техно-гуманитарный баланс в обществе. В современном же усложняющемся мире этот баланс чрезвычайно хрупок даже в странах, достигших наибольших успехов в своем развитии.

В России же эта проблема усугубляется тем несоответствием ее институциональной системы, ориентированной прежде всего на господство вертикальных связей, с потребностями новой экономики, в которой все большую роль играют горизонтальные, сетевые взаимодействия, требующие большей степени свободы и инициативы от субъектов социального действия на самых разных уровнях. И нельзя не учитывать, что сфера образования — составная

часть общей институциональной структуры российского общества. Она не может не соответствовать нормам и правилам, присущим целому. Но как одна из наиболее продвинутых его частей, она особо чувствительна к расхождениям между теми намерениями, которые декларировались в ходе ее реформирования и нередко отражались в принимаемых законах, и реальной практикой, подгоняющей и подзаконные акты, и даже утвержденные законодательно положения под общие стандарты. Например, И.В. Абанкина и К.А. Семенова отмечают, что при внешнем сходстве принимаемых в России и в Европе решений в системе образования, принципы, на которых они базируются, часто противоположны: «Внешне российские законы об автономии (университетов. – Н.П.) очень похожи на те, которые установлены в европейских странах, но по существу, они не предоставляют обещанной свободы в принятии стратегических решений и распределении ресурсов, не защищают от мелочной опеки и неусыпного патерналистского контроля, не гарантируют устойчивого долгосрочного развития» (Гуманитарный сектор..., 2023. С. 115).

По сути, это еще одно свидетельство того, как заложенная в общей институциональной системе и не преодоленная тенденция к упрощению тормозит назревшее усложнение в сфере образования, от которого, в свою очередь, зависит и успех в подготовке носителей человеческого потенциала нового качества. В результате «мы наблюдаем отставание институциональных реформ, несомасштабность сложившегося проектного менеджмента в крупных вузах росту финансовых ресурсов, слабую чувствительность вузов к внешним угрозам: финансово-экономическому кризису, демографическому спаду, снижению платежеспособного спроса, особенно в регионах России» (там же. С. 116).

С этих же позиций можно рассматривать и историю присоединения России к Болонскому процессу в 2003 г., а затем и выхода из него. По сути, мы видим тут яркий пример упрощенного подхода к международному институту, причем не только управленцев, но и многих рядовых работников системы образования. Болонская система была воспринята ими лишь как разделение высшего образования на два уровня — бакалавриат и магистратуру. Но реальное ее внедрение, т.е. создание институтов, характеризующих и сопровож-

ждающих ее развитие, не произошло. «Не получили развитие такие элементы Болонской системы, как *обязательная* академическая мобильность студентов и преподавателей, создание *специальных служб* менеджмента качества образования, введение *оценки трудоемкости* различных курсов и образовательных программ (кредитов, зачетных единиц), позволяющих обеспечить сопоставимость этих курсов и программ в учебном процессе, с одной стороны, а с другой – обеспечивать их гибкость для формирования индивидуальных траекторий студентов (индивидуализация/персонификация образования» (Клячко, 2023. С. 36).

Т.А. Клячко особо подчеркивает, что основная цель Болонской системы – достижение максимально возможной в данных конкретных условиях гибкости высшего образования при концентрации ресурсов и повышении эффективности их использования. Важная роль тут отводится модульным программам, позволяющим развивать сетевое взаимодействие высших учебных заведений в образовательной и научной сфере. Но соответствующие этим задачам новые институты так и не сложились, ибо не вписывались в устоявшуюся институциональную структуру. А между тем такое институциональное переформатирование образовательной системы открыло бы дополнительные возможности для развития и совершенствования человеческого потенциала как студентов, так и преподавателей, причем в вузах, территориально расположенных в самых разных областях нашей страны.

Недостаточно осознаются и последствия выхода из Болонской системы. Российские вузы (а значит, и их студенты и преподаватели) «отсекаются от мирового рынка образования» (там же. С. 37). И если для студентов осложнение проблем с продолжением образования в других странах пока мало волнует кого-либо, кроме тех, кто мечтал о такой траектории развития своего человеческого потенциала, то проблемы с приемом студентов-иностранцев в российские вузы скоро станут весьма актуальны. Возникает проблема признания российского диплома о высшем образовании в других странах не только у приехавших туда россиян, но и у иностранцев, получивших в России образование. А это сократит приток иностранных студентов, важный для нас не только как дополнительный источник финансирования отечественного образования, но и как уникальная

возможность создания в среде иностранных граждан лучшего представления о нашей стране, ее людях, о ее достижениях в сферах науки, искусства, литературы. Причем проблемы признания российского диплома возникнут не только у представителей «дальнего», но и «ближнего» зарубежья — государств, образовавшихся после распада СССР.

Для нашей же институциональной структуры системы образования, в рамках которой основные новые институты так и не были созданы, многое не изменится: «Выход России из Болонского процесса сам по себе мало что мог изменить в российской системе высшего образования. Именно поэтому выработка национальной ее конфигурации тянется уже больше года» (там же. С. 49).

Критика сложившейся институциональной и организационной структуры российской образовательной системы нередко отталкивается от того, что в самой практике реформирования отрасли стала преобладать клиентоориентированная организация процессов с внедрением в высшей школе модели государственного менеджмента (Зборовский, Амбарова, 2019. С. 104). Она порождает как форму выживания стремление к расширению контингента студентов, получающих образование на платной основе. Причем мотивация у таких студентов может быть самая разнообразная и отнюдь не сводящаяся к повышению ими качества своего человеческого потенциала. При этом из поля управления образовательной сферой (т.е. ее институциональной базы) нередко выпадает то, что получение знаний — не эквивалент простому получению некой услуги от образовательного учреждения. Данный процесс требует приложения больших усилий и со стороны самих учащихся. Однако далеко не все из них к этому готовы. Как отмечают Г.Е. Зборовский и П.А. Амбарова, мотивация у поступающих в вуз, связанная не с получением знаний, а лишь соответствующих «корочек», — следствие деформации средней школы как социального института, и в результате, согласно их исследованиям, в ряд вузов приходят до 80–90% таких студентов (там же. С. 104–105). К этому стоит также добавить, что сама жизненная практика существования в отечественной институциональной среде учит: на жизненный успех в гораздо большей степени, чем человеческий, влияет социальный капитал, начиная от личных связей и кончая спецификой

места проживания. Такая практика говорит и о том, что к официальным данным об уровне образования в стране как к критерию его качества следует относиться с осторожностью. Например, данные о практически полном охвате населения старше 60 лет средним образованием – следствие скорее не повышения у них тяги к знаниям, а принятия в конце 1960-х гг. решения о введении в стране всеобщего среднего образования, за реализацию которого отвечала школа, вне зависимости от желания и способности учеников получить такое образование. И качество вузовского диплома нередко зависит от привходящих обстоятельств, в частности от стремления вузов улучшить свое финансовое положение за счет доли платных студентов. Отсюда и парадокс: Россия, будучи лидером по относительной численности населения с высшим образованием, в рейтинге 2018 г. стран по расходам на высшее образование занимает 69 место (*Larvin, Evans, 2018. P. 206*).

Эти дефекты отечественной системы образования, отражающиеся и на качестве человеческого потенциала, но мало улавливаемые привычной системой количественных показателей, Зборовский и Амбарова связывают со сложившейся институциональной структурой, препятствующей и развитию человеческого потенциала, и удовлетворению потребностей подлинно мотивированных субъектов системы высшего образования – как научно-педагогического персонала, так и студентов. На пути достижения подлинных целей отрасли «существуют серьезные институциональные и организационные барьеры, наличие которых вызвано недооценкой реальных интересов, потребностей и возможностей вузовских общностей». Это следствие того, что «определяющим фактором развития высшего образования продолжает оставаться управление, представленное на мегауровне – высшим руководством страны, на макроуровне – Министерством образования и науки, на микроуровне – университетским начальством. Роль образовательных общностей по-прежнему незначительна, что приводит к потере самого главного ресурса трансформационных процессов в высшем образовании – человеческого» (*Зборовский, Амбарова, 2019. С. 99*).

Поэтому Зборовский и Амбарова предлагают свою модель построения образовательной системы, предполагающей иной тип ее структурирования на основе расширения сети горизонтальных

связей между ее элементами и превращения образовательных общностей в ведущий фактор развития. Эта модель характеризуется: «реальной вовлеченностью в университетское управление преподавателей и студентов; отказом от авторитарных принципов в управлении вузами; развитой системой сетевых межвузовских взаимодействий; активным использованием новых форм и форматов высшего образования; переходом к партнерским отношениям со стейкхолдерами; качественным развитием академической мобильности преподавателей и студентов; активным взаимодействием между образовательными сообществами; синтезом образовательной, научной, предпринимательской инновационной деятельности» (там же. С. 101).

Видно, что практически все принципы предложенной модели неоднократно декларировались, некоторые даже развивались в ведущих вузах страны, часть из них входит в комплекс принципов отвергнутой нами Болонской системы. Однако проблема состоит в том, что институциональная модель образовательной системы — органическая часть общей институциональной системы страны. Поэтому внедрение предложенных инноваций, даже в качестве эксперимента в тех или иных вузах, пока вряд ли реализуемо. Напротив, ужесточение принципов общей институциональной конструкции, наблюдаемое в течение, как минимум, последнего десятилетия, не могло не отразиться и на судьбе тех образовательных (и научных) структур, которые в наибольшей степени отклонялись от генерального тренда.

Еще об одном направлении углубления образовательного процесса с целью расширения общегуманитарного компонента знаний студентов нельзя не сказать. Это образовательная модель свободных искусств и наук (*Liberal Arts and Sciences Model*), получившая развитие в западных университетах, студенты которых, помимо изучения дисциплин по выбранной ими специальности, обязательно проходят несколько общегуманитарных курсов. Как показала многолетняя практика, такая форма обучения развивает у студентов образное мышление, расширяет их кругозор, что впоследствии сказывается на успехах в их работе. Полномасштабные программы свободных наук и искусств были запущены в СПбГУ, РАНХиГС, Тюменском государственном университете, но в последние годы были закрыты.

Можно сделать предположение, что такой тип образования не вписывается в современные российские образовательные стандарты с их склонностью к упрощению, господствующие и в обществе в целом, и в образовательной системе. Между тем мы уже оказались на пороге массового применения искусственного интеллекта, который вскоре превзойдет способности профессионалов в решении стандартных специальных задач. В новых условиях «понадобятся умы, способные решать сложнейшие, подчас непредсказуемые задачи, далеко выходящие за рамки какой-либо специализации». И в этих условиях большие надежды возлагаются на тех, кто прошел подготовку по программам свободных искусств и наук «с их навыками критического обсуждения самых разных вопросов и текстов, привычкой пересекать дисциплинарные границы, обучаясь на факультете, где одновременно преподаются и гуманитарные, и естественные, и точные науки с их приобретенным умением мыслить шире и приходить к нестандартным решениям» (Образовательная модель..., 2021. С. 48–49).

С точки зрения развития человеческого потенциала России выпадение из общей системы образования этого, лишь появившегося, направления нельзя не признать отрицательным моментом. Он также свидетельствует о том, что отечественная образовательная система все более зависит от тенденций, проявляющихся в характерных для страны в целом изменении норм и правил, все большей вертикализации и стандартизации отношений, а по сути — их упрощении. Хотя сама скорость научно-технологических изменений, напротив, диктует потребность в усложнении всей институциональной конструкции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ускоренное научно-техническое развитие диктует необходимость формирования адекватного ему человеческого потенциала общества. Причем речь должна идти не только о его лидирующих группах, но об обществе в целом, чтобы между различными его слоями складывались возможности взаимодействия и, напротив, снижались опасности проявления непонимания, и даже агрессии. Разумеется, все общества неоднородны, и разные их страты с разной скоростью реагируют на происходящие изменения. Они нередко не видят новых рисков, появляющихся не только из-за самого факта входящих в жизнь тех или иных инноваций, но и из-за неадекватного реагирования на них тех, кто не осознает новых сложностей и связанных с ними трудностей и опасностей. Это всегда происходило в ходе развития обществ, но его эволюционный ход позволял более плавно разрешать эти противоречия, отмеченные законом техно-гуманитарного баланса как взаимозависимость технологического потенциала общества и его способности культурно-психологической регуляции. Достижение такой взаимозависимости обеспечивает устойчивость развития общества. Это же подтверждается и требованиями принципа соответствия трех компонентов общественной системы — технологий, институтов и культуры.

В то же время в ситуации мобилизационных модернизационных рывков возникает необходимость быстрого перенесения из более продвинутых общественных систем технологий и соответствующих им институтов. Появляется проблема имплантации таких

институтов в социокультурную среду, которая в той или иной мере не готова к их восприятию. В этой ситуации взявшиеся за решение данной задачи реформаторы оказываются перед фактом несоответствия человеческого потенциала значительной части общества новым вызовам, требующим серьезного развития и усложнения человеческого потенциала.

Однако этот процесс длителен. Поэтому возникающие в таком обществе напряжения начинают сниматься путем упрощения имплантируемых институциональных структур, их приспособления к социокультурным возможностям большинства. Это не только позволяет снять появившуюся в обществе напряженность, но и оказывается удобным средством для достижения некоей тактической стабильности, особенно в социально-политическом плане, так как новые институты начинают походить на привычные.

В то же время при этом идет и процесс развития человеческого потенциала, позволяющий получить массового работника, способного применять те или иные инновации. Хотя успехи в данной сфере можно отнести скорее к временам промышленной революции и массового внедрения конвейерного производства. Так происходило, например, в СССР в период, названный «культурной революцией», когда действительно был совершен массовый скачок в получении начального и неполного среднего образования, но при сохранении архаичных социокультурных стереотипов. Не случайно академик М.Л. Гаспаров написал о том периоде: «культура распространяется не вглубь, а вширь, образованность мельчает» (Гаспаров, 2008. С. 192).

Однако кажущаяся рациональность решения проблемы расогласования институциональной системы и социокультурного компонента общества, человеческого потенциала его членов на пути упрощения институциональной структуры входит в противоречие с потребностями технологических изменений, диктующих необходимость соответствия своей сложности и сложность человеческого потенциала общества. Но тут уже на пути разрешения этого противоречия встает сформированная упрощенная институциональная структура общества, частью которой являются институты, обеспечивающие функционирование таких важных для современного научно-технического развития и функционирующих в них людей

областей, как наука, образование, культура и здравоохранение. Без приведения ее в соответствие с параметрами, характерными для стран, из которых были заимствованы, а затем «скорректированы» институциональные образцы, трудно ожидать качественного скачка в развитии человеческого потенциала общества, необходимого для массового решения новых технологических и социокультурных задач. Причем речь должна идти не только о мегаполисах, но и обо всех областях страны.

О потребностях в таких изменениях говорят и пишут многие специалисты в сферах организации деятельности научных, образовательных, культурных учреждений, системы здравоохранения. Отмечают они и то, что за последнее десятилетие в этой области тенденция к упрощению лишь усилилась. И она исходит не из запросов самих носителей человеческого потенциала, не из архетипов русской культуры, а из прагматизма массового поведения — «механизмов вынужденной или принудительной адаптации к требованиям государства». Л.Д. Гудков особо подчеркивает: «стратегия “понижающей адаптации”, свойственная большинству российского населения, оказывается разрушительной для общества, нуждающегося в иллюзиях и вере в “доброе государство” как условия и основы терпения и социальной стабильности» (Гудков, 2022. С. 153, 160).

Такая ситуация не просто тормозит нормальное развитие человеческого потенциала общества, делает для его массовых слоев все более недоступными те возможности, которые открываются перед ними на новом этапе технологического развития. Нельзя забывать и о том, что упрощение институциональной структуры, неадекватности человеческого потенциала значительных слоев общества достигнутому уровню технологического развития ставят под угрозу ту самую стабильность общества, во имя решения тактических задач достижения которой и происходили многие упрощения. Важно, что стратегическим условием достижения стабильности существования и развития общества является соответствие друг другу технологического, институционального и культурного компонентов его развития. На достижение этого соответствия должны работать как государственные органы, так и структуры гражданского общества — и существующие, и требующие своего формирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Аузан А. (2012). Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Аузан А. (2022). Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ.
- Ахиезер А.С. (1998). Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Ахиезер А.С. (2008). Человек в поисках полноты бытия // Ахиезер А.С. Труды. Т. 2. М.: Новый хронограф. С. 11–283.
- Ашин Г.К. (2005). Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философские науки. № 7. С. 23–43.
- Балацкий Е.В. (2021). Принцип согласованности в теории социального развития // Terra Economicus. Т. 19. № 1. С. 36–52. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.3>
- Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. № 4. С. 97–117. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-71-96>
- Башиачников В.Ф. и др. (2022). Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития. М.: ООО «Брейн Принт».
- Бессонова О.Э. (2007). Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Бруланд К., Муэри Д.Ч. (2021). Технологии и распространение капитализма // Кэмбриджская история капитализма / Под ред. Л. Нила и Дж. Уильямсона. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во института Гайдара. С. 127–182.
- Вельцель К. (2017). Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ».
- Вишневский А.Г. (1998). Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.
- Вольчик В.В. (2015). Эволюция российского института власти-собственности // Российская власть и бюрократическое государство. Ч. 2 / Под ред. В.П. Макаренко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного Федерального университета.
- Гаман-Голутвина О.В. (2016). Политическая элита как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. № 2. С. 38–73.

- Гаспаров М.Л. (2008). Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение.
- Григорьев А.М., Морозкина А.К. (2021). Успешная неустойчивая индустриализация мира: 1880–1913. М.: СПб: Нестор-История.
- Гудков А.Д. (2022). Инерция государственного патернализма и его последствия // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5. С. 153–161.
- Гуманитарный сектор патерналистского государства (2023) / Под ред. А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2016). Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект. М.: ЛЕНАНД.
- Заостровцев А.П. (2020). Poleмика о модернизации: общая дорога или особые пути? СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2019). Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // *Мир России*. № 2. С. 98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124.
- Инглхарт Р. (2018). Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, «Либеральная миссия».
- Кирдина С.Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. М.; СПб.: Нестор-История.
- Клячко Т.А. (2023). Российская система высшего образования на переломе // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 35–51. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_35_51
- Крыштановская О.В. (2005). Анатомия российской элиты. М.: Изд-во «Захаров».
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение.
- Миронов Б.Н. (2000). Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин».
- Назаретян А.П. (2017). Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргатак–Медиа.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».

- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для изучения письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2011). Когда и почему разошлись пути России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // Мир России. № 4. С. 24–59.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. (2002). Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // Общественные науки и современность. № 5. С. 5–23.
- Оболонский А.В. (2016). Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М.: Мысль.
- Образовательная модель свободных искусств и наук: мировой и российский опыт (2021) / Под ред. А.Л. Кудрина, Д.Е. Расковой, Д.В. Кадочникова. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Палитай И.С., (2020). Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021) // Полис. № 4. С. 148–160. DOI: 10.17976/pps/2022.04.12.
- Панеях Э. (2013). Зарегулированное государство // Pro et contra. № 1–2. С. 79–92.
- Плискевич Н.М. (2006). «Власть–собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. № 3. С. 62–113.
- Плискевич Н.М. (2022). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала. (Часть 1: Институциональные рубцы) // Вопросы теоретической экономики. № 3. С. 130–143. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_130_143.
- Плискевич Н.М. (2023). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций) // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 60–82. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. № 11. С. 5–26. doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26
- Римский В.А. (2023). Господство государственной бюрократии в России // Вопросы теоретической экономики. № 3. С. 108–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_108_126.

- Рубинштейн А.Я. (2019). О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 116–132. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2019_1_116_132.
- Современная элита России: политико-психологический анализ (2015) / Под ред. Е.Б. Шестопа, А.В. Селезневой. М.: Аргмак-Медиа.
- Харрисон Л. (2014). Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль.
- Хедлунд С. (2015). Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: ВШЭ.
- Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ (2012) / Под ред. Е.Б. Шестопа, А.В. Селезневой. М.: РОССПЭН.
- Эйзенштадт Ш. (2010). Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 42–67.
- Эккерман И.П. (1981). Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Художественная литература.
- Юревич М.А. Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21.
- Balatsky E., Yurevich M. (2022) Consistency Principle: Theory and Empirical Evidence // Foresight and SYI Governance. Vol. 16. No. 3. Pp. 35–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.3.35.48. (In Russ.).
- Harrison L. (2013). Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism. New York: Rowman & Littlefield Publishers, INC.
- Hedlund S. (2011). Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.
- Lanvin B., Evans P. (eds.), (2018). The Global Talent Competitiveness Index 2018. Diversity for Competitiveness. Fontainebleau: INSEAD.
- North D. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.

ОБ АВТОРЕ

Наталья Михайловна Плискевич – с.н.с. Центра экономической теории социального сектора научного направления «Теоретическая экономика» Института экономики РАН. Закончила экономический факультет и аспирантуру экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор более 70 научных работ, в том числе научных докладов ИЭ РАН «Мутации “власти–собственности”: проблемы и перспективы» (М., 2007), «Трансформация системы “власти–собственности” в России: региональный аспект» (М., 2014), «Патернализм и процессы постсоциалистической трансформации» (М., 2019), монографии «Человеческий капитал в трансформирующейся России» (М.: ИЭ РАН, 2012).

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Н.М. Плискевич

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ИСТОЧНИК ВЫЗОВОВ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ПОТЕНЦИАЛУ**

Оригинал-макет – Валериус В.Е.
Редактор – Полякова А.В.
Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 28.12.2023 г.
Заказ №27. Тираж 300. Объем 2,4 уч. изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0743-3

9 785994 007433